

группы идут чаще по сравнению со студентами первой децильной группы. Студенты первой децильной группы опережают студентов десятой децильной группы в частоте проведения досуга в общении с природой, посещении религиозных мероприятий, работе по хозяйству.

Таким образом, на наш взгляд, проведенный анализ показывает работоспособность предлагаемого метода.

ЛИТЕРАТУРА:

1. White L.A. The science of culture: A study of man and civilization 2nd ed. N.Y., 1969.
2. Bohannan P. Rethinking Culture. Current Anthropology. A world journal of the sciences of man. Oct. 1974, vol. 14, №4.
3. Маркарян Э.С. О социально-управленческом значении формирования культурологии. // Проблемы планирования, прогнозирования, управления и изучения культуры как целого. Пермь, 1981 С. 51.
4. Файнбург З.И. Смена исторического типа культуры в условиях современности (некоторые вопросы методологии проблемы) // Известия Северокавказского научного центра высшей школы / Общественные науки. 1978. № 1. – С. 28-34.
5. Вассерман Ю.М. Модернизационный социокультурный континуальный синдром. // Социология 2007, № 1 С.34-49.
6. Вассерман Ю.М. Анализ социокультурных последствий модернизации российского общества (некоторые результаты пилотажного исследования) // Ученые записки гуманитарного факультета. – Вып. 7. – Пермь: ПГТУ, 2004. – С. 225-239.

Руденкин В. Н., г. Екатеринбург

ИСТОКИ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В РОССИИ

Одним из труднопреодолимых препятствий на пути России к правовому государству является уходящая в глубину веков отечественная традиция пренебрежительного, подозрительного отношения к праву, непонимание его цивилизующей роли. Причем свойственно это было всем – независимо от сословия, уровня образования и культуры. На это обстоятельство неоднократно обращали внимание многие русские мыслители. «Правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школой, – писал А. И. Герцен. – Вопиющая несправедливость одной половины законов научила его ненавидеть и другую; он подчиняется им как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский народ, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство» [1].

Пренебрежительное отношение русского человека к праву и закону нашло отражение во многих народных пословицах и поговорках: «Сила закон ломит»; «Судья – что плотник: что захочет, то и вырубит»; «Из суда, что из пруда – сухой не выйдешь»; «Закон – что дышло: куда повернул, туда и вышло»; «Дураку закон не писан»; «Законы святы, да законники супостаты»; «Что мне законы, коли судьи знакомы»; «Кто законы пишет, тот их и ломает» и т. д. Самое печальное, что выраженная в этих пословицах и поговорках мысль отражает ментальные установки не только «низов», но и «верхов» российского общества.

Возьмем, к примеру, российское чиновничество, традиционно столь нелюбимое россиянами за его казнокрадство, карьеризм, волокиту, бездушное и высокомерное отношение к людям. С одной стороны, в соответствии со Сводом Законов Российской Империи, чиновник должен был «повиноваться власти его (императора. – В. Р.) не только за страх, но и за совесть, как Бог повелевает» [2]. С другой стороны, «неформальной, но общепринятой нормой поведения был обход закона, уклонение от его фактического исполнения, исходя из принципа “закон – что дышло”... Одной из форм такого уклонения служила “договоренность” с чиновником. (Кстаги, именно “гибкость” исполнения людоедских законов и распоряжений властей зачастую позволяла людям выжить под гнетом порой становивше-

гося беспредельным деспотизма. Таков один из элементов действительной, а не придуманной российской специфики). Так или иначе, но это открывало обеим сторонам “правоотношения” морально-психологический простор для взяточничества как почти легитимного способа решения проблем» [3].

Закономерным следствием такой практики стало широкое распространение коррупции и появление изощренной «культуры взяточничества» – как по способам вымогательства и дачи взятки, так и по кругу решаемых таким образом дел. Пример высокой «культуры взяточничества» являла собой «распространенность косвенных взятки в форме подарков, пожертвований или приобретения по явно завышенной цене имущества лиц, каким-то образом связанных с “нужным” чиновником. При этом возникали устойчивые связи, система посредников и гарантий выполнения обещанного. Сложились определенные традиции и даже своего рода “этика” отношений в данной сфере. Именно существование таких неписаных правил поведения имел в виду Салтыков-Шедрин, когда говорил, что вкладывать капитал во взятки выгоднее, чем в банк, ибо это дает гарантии от неизбежных притеснений со стороны властей» [4].

Мздоимство российской бюрократии было во многом запрограммировано самой системой самодержавной власти. С одной стороны, проконтролировать «сверху» огромную армию чиновников было практически невозможно, а «снизу» – при отсутствии гражданского общества – это сделать было просто некому. Это открывало перед чиновниками различных уровней широкие возможности для должностных злоупотреблений: «Злоупотребление служебным положением, прежде всего прямое или косвенное вымогательство взятки, было почти стандартом поведения чиновников на местах и в гораздо большей степени, нежели в центре. Кстати, давно замечено, что в России произвол увеличивается пропорционально расстоянию от столицы» [5].

С другой стороны, «экономя» на оплате труда низшего и особенно внеклассного чиновничества и фактически обрекая его на бедность и нищету, государство объективно подталкивало чиновников к «неправовым практикам», к «кормлению от дел». «По сути, политика государства в этой области состояла в том, что оно, вместо того, чтобы само содержать своих служащих, предпочитало предоставлять им возможность использовать служебное положение, чтобы “кормиться” от общества. Даже “прогрессистка” Екатерина II не стеснялась объяснять иностранцам, как ловко она использует традиционный средневековый институт “кормления”, чтобы получить требуемое в бюджет: “Покуда мне поставляют, качественно и количественно, что я приказала... я считаю себя удовлетворенной и мало беспокоюсь о том, что помимо установленной суммы от меня утаят хитростью или бережливостью”» [6].

Одним из важнейших факторов, способствовавших формированию правового нигилизма россиян, являлось *доминирование авторитарного государства над обществом*. В иерархии ценностей россиян государство всегда выступало своеобразным источником «высшей правды» и опекуном несамостоятельных граждан. В России не столько народ боролся за свои права и свободы, сколько власть даровала ему то и другое. В результате многовековой политики государственного патернализма в широких слоях российского общества сформировался авторитарный тип личности со свойственной ему крайней противоречивостью установок по отношению к праву. Такой человек воспринимает право как инструмент властвования, возведенную в ранг общеобязательной нормы волю государства, нарушение которой влечет за собой применение насилия, т. е. как *волеустановленный закон*. Обратной стороной бесправия народа перед властью является его латентная готовность к бунту против нее. Однако как рабская покорность власти, так и бунт против нее не имеют

никакого отношения к цивилизованным, правовым формам взаимодействия между государством и обществом.

Немаловажную роль в формировании правового нигилизма россиян сыграли присущие нашей политической культуре утопизм, недооценка возможностей эволюционных изменений. Экономическое и политическое бесправие подталкивали народ к уходу в вымышленный идеальный мир, делали их весьма предрасположенными к восприятию различного рода радикальных социальных теорий. Идея коммунизма как «царства свободы», которое отделяет от «царства необходимости» всего один «скачок», отнюдь не случайно оказалась столь близкой россиянам: она целиком вписывалась в их мироощущение. В рамках такого мироощущения объективно не находилось места праву: оно оказывалось чем-то необязательным, поскольку не гарантивало воплощения на практике проекта идеального государственного и общественного устройства.

Особенно широкое распространение правовой нигилизм получил в условиях тоталитарного большевистского режима. Большевики успешно использовали отечественную традицию правового нигилизма для своих практических целей. Предложенная ими концепция государства диктатуры пролетариата как власти, ориентированной на построение «светлого будущего», была очень близка широким народным массам. Граждан молодой страны Советов не особенно беспокоило то, что эта власть изначально не собиралась связывать себя никакими законами, никакими «буржуазными предрассудками» и «канительными условностями» типа суда присяжных, гласности и состязательности судопроизводства, презумпции невиновности и т. д. Мало кого насторожили заявления лидеров большевиков о том, что их государство будет опираться непосредственно на насилие. Ведь цель-то какая – коммунизм! Так стоит ли ради ее достижения требовать от власти соблюдать всякие «правовые условности», которые только тормозят продвижение страны к великой цели? Тогда мало кто мог разглядеть тающуюся в таком легкомысленном отношении к правовым институтам и практикам грозную опасность – как для каждого человека в отдельности, так и для страны в целом...

Патерналистское восприятие государственной власти и приоритет идеального будущего над несовершенным настоящим отчетливо проявились уже в первые послереволюционные десятилетия. Вдохновенные высокими идеалами революции, фанатично верившие в реальность быстрого построения коммунизма, эти люди жили как бы *вне времени*; настоящее казалось им лишь подготовительным этапом на пути к светлому будущему, мечтой о котором они только и могли жить. Наивность этих людей была отнюдь не безобидна: за ней скрывалось пренебрежение не только к собственной жизни, но и к жизни других. Грань между «все возможно» и «все дозволено» была очень тонкой, и массовое сознание далеко не всегда различало эти две максимы. Отсюда – захлестнувшая страну жестокость к врагам (реальным или вымышленным), отказ от правового наследия прошлого как якобы тормоза на пути к вожделенному будущему. «Идиллическими благоглупостями» назвал Н. И. Бухарин следующие строки из знаменитого вавилонского кодекса Хаммурапи: «Целью правителя являются обеспечение в стране права, уничтожение дурного и злого, дабы сильный не вредил слабому». Жертвами выброшенных на «свалку истории» «идиллических благоглупостей» – при отсутствии правовых механизмов противодействия намерениям «сильного вредить слабому» – стали миллионы советских людей, в их числе и сам Н. И. Бухарин.

С первых послереволюционных лет в стране была буквально объявлена война «канительным условностям и предрассудкам» буржуазного права. На смену им пришла пресловутая «революционная целесообразность». И если в годы гражданской войны антиправовую практику властей еще хоть в какой-то мере можно было оправдать экстремальностью

ситуации, необходимостью защитить завоевания революции, то после завершения войны стало окончательно ясно: все это — не временные отступления от законности, а самая суть большевистской политики.

Не случайно на съездах Коммунистической партии и пленумах ЦК вопрос о праве и его роли в развитии страны даже не поднимался. Для руководителей партии право не обладало социальной значимостью, а политическая целесообразность изначально воспринималась как ценность более высокого, чем право, порядка. Большевики сводили право к совокупности властно-распорядительных правил государства, фактически отождествляли право и закон. Это было равнозначно *уничтожению права*. Ни о какой связанности социалистического государства правом отныне не могло быть и речи. Руководители советского государства действовали так, словно право — это всего лишь возведенная в ранг закона воля «политически господствующего класса».

Жестокие уроки правового нигилизма миллионы советских людей получили в период сталинских коллективизации и индустриализации, осуществлявшихся жестокими антиправовыми методами. Их результатом стало превращение советского человека в полностью зависимого от монополиста-работодателя в лице государства работника, готового включаться в социально-трудовые отношения на началах полного бесправия, без раздумий жертвовать любыми политическими и гражданскими правами в обмен на государственные гарантии труда. Ситуацию еще более усугубляла вопиющая антиправовая практика массовых репрессий, которая вытравляла из народного сознания саму мысль о праве как гаранте человеческих прав и свобод.

Советский человек сочетал в себе качества *законопослушного индивида и правового нигилиста*. Репрессивный характер режима сформировал в людях страх перед властью, установку на демонстративную лояльность. Человек сознавал свою правовую незащищенность, а потому безропотно подчинялся любым законам. С другой стороны, сама власть ассоциировалась у советских людей не столько с законом, сколько с административным принуждением, с волей «начальства», которому «виднее». Творя произвол, власть подавала негативный пример своим гражданам. Десятилетия правового произвола тоталитарного государства, в течение которых оно беззастенчиво грабило своих граждан, поощряло доносительство, подвергало людей незаконным арестам и несправедному суду, нанесли колоссальный урон правосознанию общества. И без того не укорененное в нашей культурной традиции, право и вовсе оказывалось на периферии общественного сознания, а его гуманистический смысл и гражданский пафос оставались непонятными абсолютному большинству населения.

И все же было бы неверно утверждать, что правовой нигилизм представляет собой сущностную характеристику российской политико-правовой культуры. В массовом сознании россиян во все времена достаточно четко проводилось различие между понятиями «закон» и «право» («правота», «справедливость», «правда», «жить по закону» и «жить по совести»). Это также нашло свое отражение в народных пословицах и поговорках: «На деле прав, а на бумаге виноват»; «Кто правого винит, тот сам себя язвит»; «Кто повинился, того суди Бог»; «Держи суд по закону»; «Кто правды желает, тому Бог помогает».

Иными словами, даже не имея представлений о понятиях «естественное право» и «позитивное право», россияне интуитивно улавливали огромную разницу между ними, понимая, что в практической жизни они нередко расходятся друг с другом. И поэтому, терпеливо приспосабливаясь к репрессивному законодательству авторитарного (тоталитарного) государства и устанавливаемым им порядкам, россияне всегда оставляли за собой *право на моральный протест*, на внутреннее несогласие с ними. Только эти протест и несогласие разные люди выражали по-разному: кто-то бросал открытый вызов режиму, как это делали

советские правозащитники; кто-то предпочитал молчать, опасаясь репрессий со стороны государства; а кто-то выбирал путь своеобразного «социального лукавства»: демонстрируя внешнюю лояльность и законопослушность государству, в то же время сплющ и рядом «корректировал» законы государства в соответствии с принципами справедливости, составляющими основу права естественного.

В то же время правовой нигилизм – отнюдь не выдумка ученых, а реальный феномен отечественной политико-правовой культуры. И преодолеть это наследие будет отнюдь не просто. Для этого потребуются огромные усилия интеллектуальной и политической элиты, СМИ, правозащитников, институтов образования по «продвижению» как в массовые, так и в «элитные» слои общества идеи и ценностей правового государства, по приобщению людей к практическим действиям в соответствии с этими ценностями. То, что этот процесс отнюдь не сулит быстрых успехов, подтверждает практика последних полутора десятилетий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Герцен А. И. Собр. соч. Т. 7. М., 1950. С. 251.
2. Цит. по: Оболенский А. В. На службе государевой: к истории российского чиновничества // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 72.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же. С. 73.
6. Там же.

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Сидоренко И. А., г. Красноурьинск

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Россия всегда существовала как единство разных национальных культурных пространств, проявляющихся через особенности национальной психологии, традиций, религии, языка – тех ценностей, что лежат в основании культуры.

Культурное пространство такой многонациональной страны как Россия, состоит из двух крупных составляющих: одна из них представляет культурное наследие народов Российской Федерации (материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, представляющие ценность с эстетической, социально-культурной, исторической, археологической или архитектурной точек зрения, значимые для самобытности Российской Федерации и всех ее народов), другая – активную, находящуюся в социально – экономическом обороте часть культуры, которая потребляется населением в виде культурных благ, товаров и услуг, являющихся результатом духовного производства.

Первая составляющая представляет основу – базу культурного пространства, определяет его качество и сущность, характеризует объем и масштабы, в основе которых лежат потребности населения страны в данный период. Обусловленные и тесно связанные со всеми предыдущими слоями культуры и культурным потенциалом потребности представляют форму бытия, определяющую сегодняшнее состояние культурного пространства.

Культурное пространство характеризуется динамичностью, способностью к саморазвитию, изменению масштабов, объема и структуры, пространственных границ. Изучение национально – культурного пространства в контексте коммуникации особенно актуально в эпоху глобализации. Глобализация, явившаяся результатом изменения механизма соци-